

ОТНОШЕНИЕ ДРЕВНЕСЕРБСКОГО КНИЖНОГО ЯЗЫКА К СТАРОСЛАВЯНСКОМУ ЯЗЫКУ (В связи с развитием жанров в древнесербской литературе)

Как видно из названия, целью данной работы является попытка дать краткий ответ на следующие три вопроса.

1. Существовал ли в древнесербской литературе (в древнесербских текстах) билингвизм (двуязычие)? В чем состояла суть, какого типа и какого происхождения был этот билингвизм?

2. Существовала ли в древнесербской литературе (resp. текстах) жанровая дифференциация? Какова была система жанров в древнесербской литературе и как она развивалась?

3. Было ли связано употребление одного из двух языков с системой жанров в древнесербской литературе? Если эта связь существовала, как она развивалась исторически?

Все эти проблемы не новые, они возникли давно. В течение уже почти десяти лет русская филологическая наука изучает древ[165]нерусскую литературно-языковую ситуацию. До сих пор по этому вопросу ведётся ожесточенная полемика, приводятся новые аргументы, собирается новый богатый материал. Сербские филологи уделяли гораздо меньше внимания этим вопросам, которые для русских славистов были очень актуальны. Это довольно странно, потому что древнесербская ситуация в значительной мере сходна с древнерусской. Древнесербская и древнерусская литература (так же, как и древнемакедонская, древнеболгарская, древневлахомолдавская) входили в один культурный ареал — Pax Slavia Orthodoxa. Мы еще будем говорить в связи с поставленными вопросами о значении этого культурного ареала для развития древнесербской, как и древнерусской, древнеболгарской и других древних литератур и древнего книжного (письменного) и литературного языка, а сейчас коротко об истории изучения древнесербской ситуации.

Южнославянские элементы в современном русском языке настолько многочисленны, что невозможно оспаривать их важной роли в современной структуре и истории русского литературного языка. Невозможно поставить под сомнение и существование литературно-языкового церковнославянско-русского билингвизма в древней Руси, существование которого продолжалось до XVIII, а может быть, и до начала XIX в. Существуют различные мнения о том, функционировал ли древнерусский литературный язык начиная с того времени, когда сложилась древнерусская литературная традиция (Х—XI в.), или же первоначально литературным языком у русских был церковнославянский¹, а древнерусский возник и развивался как отдельный язык позже. Первой точки зрения (об автохтонности древнерусского литературного языка) придерживался С.П. Обнорский (с 1934 г.) и его последователи (Ф.П. Филин и др.), а второй — значительное число ученых XIX в., а в XX в. — А.А. Шахматов, А.И. Соболевский, Истрин, Л.В. Щерба, Унбегаун, Исаченко и др. Концепция Виноградова была близка взглядам Шахматова, но с течением времени она изменялась, а в последние годы вернулась к своей исходной точке². Среди сербских лингвистов только А. Белич уделял большое внимание полемике между русскими учеными, а среди хорватов — Кравар³.

Другая проблема — это проблема структуры жанров в древнерусской литературе, и эта проблема, как и первая, становилась предметом обсуждения на международных съездах славистов. Целый ряд видных ученых, таких как Р. Ягодич, Д.С. Лихачев, С. Вольман, Д. Чижевский и др., уделяли особое внимание решению этого сложного вопроса⁴. Р. Ягодич указал на невозможность применения западноевропейской схемы разделения литературных родов (эпика, драма, лирика) к древнерусской литературе, которая имела другую "духовную систему" и "тяготела к единству, органической целостности, ее компоненты находились во взаимосвязи". О функционировании жанров и их историческом развитии в связи с развитием всей древнерусской культуры и древнего "литературного этикета" писал Д.С. Лихачев в ряде своих работ. С. Вольман расширил рамки темы, включив в свои исследования и древнюю [166] западно- и южнославянскую литературу. Пришло время предложить конкретное разделение текстов древнерусской (сербской, болгарской и т.д.) литературы по жанрам, дать рубрикацию произведений (т.е. текстов) и иерархическую систему рубрик.

Вопрос билингвизма и система литературных жанров в древней Руси не обсуждались во взаимосвязи как историко-литературная, литературно-языковая проблема⁵. Это, вероятно, имеет несколько объяснений, одно из главных, по нашему мнению, состоит в следующем: в русской филологии и лингвистике до сих пор не решен и даже не поставлен вопрос, каким реестром (корпусом) текстов должен располагать исследователь, изучающий историю литературного языка в древней Руси или вопрос древнерусской жанровой системы. Выбор текстов (примеров) часто достаточно субъективен, и эта субъективность оказывает значительное влияние на концепцию истории литературного языка, или истории жанров, или на решение вопроса об их взаимосвязи⁶. Идеальным подходом к решению поставленной проблемы был бы тот, при котором принимались бы во внимание все тексты, не только оригинальные, но и переводные, как и все существующие варианты и копии (списки). В настоящее время в применении к русским литературным и языковым памятникам это почти невыполнимая задача. Положение дел с сербскими памятниками значительно более благополучно, но тоже достаточно сложно. Хотя желаемой полноты достичь невозможно, к ней все же следует стремиться.

Если речь идет о полноте материала, необходимо уточнить, что входит в древнесербскую или древнерусскую литературу. Ответить на этот вопрос — означало бы дать определение древнесербской или древнерусской литературы в целом⁷.

Древнесербская, как и древнерусская, литературы не были настолько автономны и самостоятельны, насколько самостоятельны и даже изолированы друг от друга в языковом, структурном и типологическом отношении современные сербская и русская литературы.

Понятие целостности древнерусской и древнесербской литературы невозможно без признания существования общей для культурного ареала Pax Slavia Orthodoxa литературы — древнеславянской литературы, моделью для

которой служила современная ей византийская литература⁸. От византийской литературы ее отделяет не только состав (корпус) текстов, но и язык, имеющий решающее значение для функционирования литературы в определенном этническом ареале и являющийся основным связующим звеном между древней общеславянской литературой и литературами древнесербской, древнерусской, древневлахомолдавской и т.п. Древняя общеславянская наднациональная (или межнациональная) литература, существуя как отдельная и независимая целостность, одновременно входила своей большей частью в состав отдельных древних национальных⁹ литератур: русской (начиная с XV века великорусской, малорусской — украинской и белорусской), сербской, болгарской, македонской, хорватской глаголической и славянской влахомолдавской. Некоторые из упомянутых [167] национальных литератур подразделялись в течение известного времени и в известной степени на локальные, региональные литературы: псковскую, новгородскую, ростово-суздальскую у русских (великороссов), зетскую, рашскую, боснийскую у сербов и т.п. Таким образом, славяне, принадлежавшие к ареалу Pax Slavia Orthodoxa, пользовались почти в каждом национальном ареале тремя литературами или, согласно другой точке зрения, одной литературой со сложной тройной структурой (иерархией). У славян, относившихся к другому культурному ареалу, Pax Slavia Latina, была иная культурно-литературная иерархия.

Произведения древней "межнациональной" славянской литературы были приняты почти в каждой "национальной" среде без перевода, иногда с незначительной языковой адаптацией¹⁰. Это тот момент, который отличал внутриславянскую ситуацию от ситуации греческо-(византийско)-славянской, требовавшей перевода текстов с греческого на славянский. Во внутриславянской ситуации древняя "национальная" (лучше сказать "преднациональная") литература понималась как локальная по отношению к общеславянской литературе. Те же отношения были и на языковом (литературно-языковом) уровне.

До сих пор речь шла об иерархии в литературе (общеславянской, "национальной" и локальной) и иерархии литературных (письменных) языков с близкой структурой. Теперь необходимо подчеркнуть, что в древней литературе православных славян существовала и достаточно строгая и разветвленная иерархия жанров. Эта иерархия переживала исторические изменения, развивалась и усложнялась, потому что для всех древних литератур православных славян, как и для общеславянской литературы культурного ареала Pax Slavia Orthodoxa была характерна одна общая, существенная для их формы, структуры и функционирования особенность: произведения, которые появлялись в течение восьми столетий (начиная со времени Кирилла и Мефодия), как правило, не терялись, не заменялись, не исчезали из состава литературы, а существовали и сохранялись не в виде литературно-исторических памятников, но как живое и современное творчество¹¹.

На основании всех перечисленных предпосылок можно дать схему жанровой системы древнесербской литературы. Она могла бы представлять собой пирамиду из 14 частей (слоев, рубрик, сегментов), в основании которой находится древняя устная народная литература.

Данная схема жанров древнесербской литературы является панхронической и суммарной, т.е. общей для достаточно большого литературно-исторического периода¹². Схема может быть полезна в качестве инструмента для историко-сравнительных исследований, но при этом необходимо помнить, что это не синхронный срез — система жанров сербской литературы определенного столетия или еще более краткого периода. Для каждой рубрики можно определить, иногда со значительными, а иногда с меньшими трудностями состав текстов. В некоторых случаях этот состав оказывается достаточно обширным, и тогда возникает необходимость в дальнейшей детализации отдельных рубрик¹³. [168]

Почти для каждого текста в каждой рубрике можно установить ряд обозначений в зависимости от того:

- а. где этот текст появился (написан) — место возникновения;
- б. когда этот текст появился (написан) — время возникновения;
- в. оригинален этот текст или переведен с другого языка;
- г. как, т.е. в каких условиях и с какой целью функционировал текст.

Примечание. Для лингвистической характеристики важны также и орфографические, и палеографические особенности текста.

Таким образом каждый текст может получить определенные индексы. Их суммирование для достаточно большого количества текстов, относящихся к одной рубрике, позволяет дать более полную характеристику каждого отдельного жанра. Эта характеристика была бы различной для разных периодов времени и для разных зон внутри ареала Slavia Orthodoxa. Например, жанр "хождения" в Древней Руси берет свое начало в XII в., а у сербов в XVI в. (если только речь не идет о потерянных текстах), поэтому и число русских текстов этого жанра больше, и их литературная и стилистическая разработанность выше. Сходная ситуация и с летописями. Но в "национальной" агиографии положение уже иное. В начале XIII в. [169] сербы создали свою замечательную агиографическую традицию, которая во время "второго южнославянского влияния" в России придала новое художественное качество русской агиографии (например, творчество Пахомия Серба Логофета).

В целом жанровая система, символически изображенная в виде пирамиды или равнобедренного треугольника, представляет собой, как мы уже указали, строгую иерархию. Первая рубрика занимает самое высокое, доминирующее положение как наиболее сакральная и авторитетная по отношению к остальным рубрикам и текстам. Состав текстов этой рубрики в течение столетий оставался стабильным и неизменным, а язык эволюционировал в наименьшей степени. Тексты этой рубрики относились к древней общеславянской литературе: ни один из них не имел "национальных", локальных специфических черт. В отличие от первой рубрики, во второй рубрике содержалось известное число "национальных" текстов (службы сербским святым; см. Сербляк). То же можно сказать и о третьей (жития сербских святых; сочинения Св. Саввы, Доментиана, Феодосия, архиеп. Данилы и др.) и четвертой (Похвальное слово Св. Симеону и Св. Савве, Похвальное слово князю Лазарю и др.) рубрике. Достаточно яркие национальные черты характерны для ряда текстов светских, не конфессиональных рубрик: исторических (рубрика 8 — сербские летописи, родословные и т.п.), паломнических (рубрика 10), повествовательных (рубрика 9 — Мучения блаженного Гродзия и т.п.), филологических (рубрика 11 — Сказание изъялено о писменех Константина Философа), светско-юридических (рубрика 12 — Законник царя Душана и др.), относящихся к деловой (рубрика 13) и бытовой (рубрика 14) письменности. Последние две рубрики занимают в известном смысле автономное положение по отношению к двенадцати остальным. Именно к ним относятся почти исключительно национальные тексты, но эти тексты принадлежат не к сербской литературе, а к сербской письменности, потому что их художественная ценность в большинстве случаев минимальна. Функция этих текстов — деловая или практическая, поэтому они составляют не определенный литературный жанр, а нечто, что уже по своему деловому характеру может быть противопоставлено остальным жанрам и жанру вообще. Можно даже сказать, что эти тексты написаны не на литературном языке, а на деловом древнесербском книжном языке, который обладал и некоторыми чертами древне-славянского литературного языка, но этот вопрос достаточно сложен, так как язык текстов этих рубрик приближается к языку светско-юридических текстов, который тоже в известном смысле был деловым¹⁴.

Может быть, эти замечания о языке текстов двух последних рубрик являются несколько преждевременными, так как необходимо оценить их с точки зрения времени, места возникновения, того, являются ли они оригинальными или переведены с другого языка, а также их сакральности.

Как видно из определения рубрик, первые шесть жанров имеют церковный, конфессиональный характер. Это подтверждается содер[170]жанием (семантикой), назначением (функцией), формами, а также языком текстов — древнеславянским сербской редакции. Степень сакральности текстов постепенно уменьшается с первой до шестой рубрики, что можно объяснить и функцией текстов различных жанров в церковном ритуале и жизни. Седьмая рубрика — апокрифическая — официально является неконфессиональной, даже антисакральной ("ложной", запрещенной), но тексты, входящие в седьмую рубрику, должны были имитировать сакральные тексты, прежде всего Святое Писание, и эта имитация должна была быть "правильной" со всех точек зрения, а значит, и с точки зрения языка. Поэтому язык этих текстов также был древнеславянский литературный язык той же сербской редакции. Начиная с девятой рубрики мы имеем дело с неконфессиональными светскими текстами, которые в большинстве случаев имеют свою определенную функцию и могут поэтому быть отнесены к различным жанрам с большей четкостью и точностью, чем конфессиональные тексты. Заметим, что тексты десятой и одиннадцатой рубрики (о седьмой мы уже говорили), т.е. тексты о хождениях и философско-филологические (следовательно, только часть текстов одиннадцатой группы), были тематически связаны с первыми шестью группами, что отразилось на их языке и стиле: иногда это скорее древнеславянский язык, а не древне-сербский книжный язык. Даже в исторических и светско-юридических текстах (например, Душанов Законник) встречается значительное число славянизмов, на что более сорока лет тому назад указал А.М. Селищев¹⁵ в связи с дискуссией о древнерусском литературном языке.

Что касается вопроса места и времени появления и перевода текстов первых шести рубрик, надо сказать, что почти все эти тексты за исключением тех, которые неразрывно связаны с сербской национальной традицией (начиная с XIII в. службы, жития, похвальные слова), появились довольно рано (частично во времена Кирилла и Мефодия, частично несколько позднее), переведены с греческого, возникли у южных славян (небольшая часть — в

Моравии и в России). Чисто русская национальная традиция была представлена в Сербии незначительным количеством текстов (Житие Феодосия Печерского и т.п.). Большое значение имело создание так называемой Светосавской Кормчей (конец XII — начало XIII в.), вероятно, на основе уже переведенных текстов (рубрика 6). Тексты первых шести рубрик (конфессиональные) вместе с текстами седьмой и частично восьмой и девятой в то же время входили в общеславянскую (ареала Pax Slavia Orthodoxa) литературу. Неконфессиональная светская часть общеславянской литературы была намного меньше, чем конфессиональная. Однако к такой количественно небольшой части относились такие значительные произведения, как "хроники" византийского происхождения (Амартола, Зонары), произведения древней беллетристики — Александрида, История Троянской войны, Стефанит и Ихнилат, Варлаам и Иоасаф и др. и почти все апокрифы. Отдельные произведения беллетристики значительно выделялись в языковом плане, потому что были написаны на древне[171]сербском книжном языке, близком народному. Неархаичный, с многочисленными диалектизмами, народными формами и словами, этот язык типичен для большей части исторических (рубрика 8), для известной части натуралистических и почти для всех светско-юридических текстов. Нужно иметь в виду, что это сочинения довольно позднего происхождения: XIV—XV в. и даже XVII, например, басни Эзопа, так же как и тексты хождений (начиная с XIV в.) и национальные светско-юридические (начиная с XIV в.). Все так называемые "национальные" тексты являются оригинальными (непереводными) и имеют чисто сербское происхождение. Число таких текстов значительно возрастает в XIV и XV в., так что общее количество произведений древнесербской литературы в этот период почти удвоилось. Этот факт можно сопоставить со "вторым южнославянским влиянием" в Древней Руси, которое имело место приблизительно в то же время, когда также вдвое возросло количество произведений литературы. Увеличение числа литературных произведений у сербов и у русских¹⁶ шло за счет расширения в основном групп (рубрик) 8—14 и частично групп (рубрик) 3—4. В отношении группы 9, а частично и группы 13 необходимо принимать во внимание языковое влияние текстов на сербскохорватском языке, созданных вне культурного ареала Pax Slavia Orthodoxa.

Таковы, в самых кратких чертах, характерные особенности древнего славяно-сербского двуязычия в связи с жанровой системой древнесербской литературы. С развитием системы жанров и ростом числа текстов в отдельных рубриках (т.е. жанрах) менялась природа этого двуязычия, а центр тяжести самой древнесербской литературы от первых групп (рубрик) в пирамиде смешался все более и более к центру, т.е. возрастила роль национального сербского начала в общей системе текстов. Тем самым и отношение древнеславянского литературного языка к древнесербскому книжному языку изменилось в пользу древнесербского (сербульского) языка, приобретавшего все большее значение несмотря на тяжелую ситуацию, сложившуюся в результате турецкого нашествия. В конце необходимо подчеркнуть, что проблема определения двуязычия для древнесербской литературно-языковой ситуации очень сложна и при этом приходится сталкиваться со значительно большими трудностями, чем для той же древнерусской ситуации. Древнеславянский (общеславянский, церковнославянский) литературный язык имел южнославянскую диалектную базу. А это значит, что целый ряд языковых особенностей, отличавших старославянский язык от русского (praslaw. **tort, tolj; ort, olt;* начальное **je* и **o: jezero — ozero* и сл.) были одними и теми же и в древнеславянском, и в древнесербском литературном (или книжном) языке¹⁷. Для всех славянских литературных языков ареала Slavia Orthodoxa необходимо составить реестр (список) различий между каждым отдельным древним "национальным" языком и древнеславянским (общеславянским) языком. Эти реестры были бы важным показателем для типологической характеристики древних и более молодых славянских литературных языков. [172]

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В русской научной традиции различают старославянский язык и церковнославянский язык как язык, вышедший из старославянского и продолжающий его традиции и функции. Ряд ученых заменяет термин *церковнославянский* термином *древнеславянский*, притом что и старославянский включается в его историю в качестве раннего, начального этапа развития этого литературного языка. В сербской терминологии русской паре *древний* и *старый* соответствует одно лишь слово *стари*. В сербском оригинале этой статьи употребляются соответственно термины *старословенски, црквенословенски, стари словенски*. В редких случаях для старославянского употребляется и термин *старацрквенословенски*. См.: Ђорђић П. Терминолошка питања из палеославенистике // Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду. Нови Сад, 1957. Књ. 2; Копыленко М.М. Как следует называть язык древнейших памятников славянской письменности // Сов. славяноведение. 1966. N 1.

² Толстой Н.И. Взгляды В.В. Виноградова на соотношение древнерусского и древнеславянского литературного языка // Исследования по славянской филологии. М., 1974. С. 319—329, *Он же. Труды В.В. Виноградова по истории русского литературного языка // Виноградов В.В. Избр. тр.: История литературного языка*. М., 1978.

³ Белић А. О књижевним језицима // Јужнословенски филолог. XIX. 1951—1952. С. 1—16; Симпозиум 1100-годишнина од смртта на Кирил Солунски. Скопје, 1970. Кн. 2. С. 111—121.

⁴ Jagoditsch R. Zum Begriff der "Gattungen" in der alt-russischen Literatur // Wiener slavistisches Jahrbuch. Bd. VI. 1957/58, 112—137; Лихачев Д.С. Система литературных жанров древней Руси // Славянские литературы. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации М., 1973. С. 160—177; Wolman S. Žánrová struktura slovanských literatur // Českoslávenské, přednášky pro VI mezinárodní sjezd slavistů. Pr., 1968. S. 215—223; Číževský D. On the Question of Genres in Old Russian Literature — Harvard Slavic Studies. 2. Cambridge Mass., 1954, S. 105—115.

⁵ Д. Лихачев ближе всех остальных исследователей подошел к этой проблеме. По его мнению, "литературная структура жанров проявляется в следующем факте: древнерусские жанры в значительно большей мере связаны с определенным типом стиля, чем жанры нового времени" (Лихачев Д.С. Указ. соч. С. 64).

⁶ Обращает на себя внимание, что Обнорский для анализа древнерусского литературного языка обратился всего к четырем литературно-языковым памятникам (Моление Даниила Заточника, Слово о полку Игореве, Поучение Владимира Мономаха, Русская Правда), Ефимов — менее чем к десяти, Ларин — менее чем к двадцати, а Виноградов пошел по пути оценки общей

ситуации и общего развития, не прибегая к детальному анализу отдельных текстов. См.: *Обнорский СП*. Очерки по истории русского литературного языка. М.; Л., 1946; *Ефимов А.И.* История русского литературного языка. М., 1957; *Ларин Б.А.* Лекции по истории русского литературного языка (Х — середина XVIII в.), М., 1975; *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., М., 1938.

⁷ Начиная с XIX в. историки литературы в каждой древней славянской литературе обращали внимание на национальную специфику или искали корни того, что появилось в конце XVIII в., а также в начале и середине XIX. Этот исключительный интерес к специфике приводил к одностороннему взгляду на древнюю литературу, при котором терялось ощущение системности ее структуры и целокупности. А между тем, к древнерусской (соответственно сербской и др.) литературе относилась и вся лингвистическая и нелингвистическая церковная литература, которая у некоторых историков древней литературы в лучшем случае предполагается и упоминается мимоходом, а в худшем случае полностью отбрасывается. В большинстве случаев это общеславянская литература.

⁸ Весьма серьезный и конструктивный подход к созданию истории общеславянской (церковнославянской) литературы находим в работах А. Наумова. См.: *Naumow A.E.* Literatura cerkiewnosłowiańska a komparatystyka literacka // *Slavia. R. XLII. Ć. 2.* 1973, S. 149—156; *Naumow A.E.* Apokryfy w systemie literatury cerkiewnosłowiańskiej. PAN. 1976.

⁹ В этом случае слово национальный не следует переводить как "тот, который [173]относится к нации", но во французском значении этого слова (national) — народный. Я не употребил слово "народный", потому что оно терминологически связано с устной (неписьменной) литературой.

¹⁰ Это, в сущности, означает, что целый ряд текстов может быть одновременно отнесен к древнеславянской (общеславянской) и древней русской или сербской или какой-либо другой литературе (евангелия, псалтыри, Старый Завет, апокрифы, агиографии, хроники, романы и т.п.). Составление реестра (корпуса) таких текстов является важной задачей современной славянской филологии.

¹¹ В этом заключается одно из важнейших различий между древней и новейшей (новой) литературой у славян. Начиная с XVIII века в литературе наблюдается последовательная смена одного литературного направления другим, которая влечет за собой модификацию, перестройку всей жанровой системы. Как известно, она была связана с классицизмом, элегия — с сентиментализмом, баллада — с романтизмом, роман — с реализмом и т.д.

¹² Предложенная схематическая классификация опирается на последние фундаментальные работы Димитрия Богдановича, Джордже Трифуновича и Биляны Йованович-Стичевич, чей вклад в изучение древнесербской литературы имеет решающее значение для дальнейшего развития палеосербистики.

¹³ Из-за недостатка места я вынужден ограничиться кратким комментарием к отдельным рубрикам. Состав рубрик 3, 7, 10 и 12 (жития святых, ложные книги-апокрифы, описания путешествий — "хождения" в Святую Землю и светские юридические кодексы-законники) не нуждается в пояснениях. Рубрики 1 и 2 непосредственно связаны с церковным богослужением — утренним и вечерним, помещенным в Минеях, Осьмогласнике и Триоди, а также с Евангелием, Апостолом, Псалтырем и др. ("Святое Писание"). Рубрика 4 содержит похвальные слова и т.п., рубрика 5 — толкования Евангелия, Псалтыри, книг Старого Завета, а также сочинения отцов церкви (послания) и т.п.). В 6-ю рубрику входят церковные и монастырские уставы (типики), кормчии, номоканоны и т.п. 8-ю — составляют ронографы, хроники, летописи, родословные, девятую — романы, повести, рассказы Александрида, Варлаам и Иоасафа, Троянская война, Акир Премудрый, Притчи оломона и т.п.). Однинадцатая рубрика гетерогенная по своему составу, так как в нее входят естествоведческие (Физиолог, Христианская топография Козьмы Индикоплова, медицинские кодексы-лечебники и т.п.), философские (Пчела и др.), а также илологические (Сказание изъялено о писменех Константина Философа и др.) ексты. К рубрике 13 относятся грамоты, дипломатические и торговые письма, авещания и т.п., а в последнюю, четырнадцатую рубрику входят личные письма, азличные заметки, описания колдовства, ворожбы, заговоры, книги по магии (как, апример, громовник, лунник и т.п.).

¹⁴ В. В. Виноградов и Б. Унбегаун не признавали за языком древнерусских юридических текстов статус литературного языка, считая его только письменным, в то время как А. Исаченко считал, что весь древнерусский язык был письменным, а не литературным. Однако в отдельных сочинениях трех знаменитых славистов мы находим и иные точки зрения.

¹⁵ Селищев А.М. О языке "Русской правды" в связи с вопросом о древнейшем ипе русского литературного языка // А.М. Селищев. Избр. тр. М., 1968. С. 132—135.

¹⁶ Соболевский А.И. Южно-славянское влияние на русскую письменность в XIV—XV веках. СПб., 1894. С. 15—16.

¹⁷ См. список славянизмов в русском языке, приведенный А.А. Шахматовым: 1. группы **tort*, *tolt* и т.п. (*град*, *глад*); 2. группы *or*, *ol* в начале слова (*разум*, *ладья*); 3. группа *жд* из *j* (*между*, *одежда*); 4. аффриката *щ* из **tj*, *ktj* (*мощь*, *помощь*); 5. гласный *e*, не изменяющийся в *o* (*небо* вместо *нёбо*, *одежда*, ср. диалект. *одёжска*); 6. *ю* в начале слова (*юноша*, *юдоль*); 7. твердое *з* (из *г*) (*польза*); 8. гласные *о*, *е* вместо старых слабых полугласных *ъ* и *ь*; 9. гласный *ы* вместо напряженных *ъ* и *ь*; 10. формы прилагательных в род. п. ед. ч. и им.-вин. множ. ч.; 11. старославянские словообразовательные модели (-тель, -ство и др.); 12. старославянская лексика (*стезя*, *образ*, *созерцать* и др.). Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941. С. 70—90. Из этих 12 пунктов только в пункте 3, 4 и 8 и частично в пунктах 11 и 12 можно отметить различия между старославянскими и сербскими формами.